

УДК 821.161.1

82-1/29

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-66-75

БОЯН И «ПОЭТ ПОЛКА ИГОРЕВА» В ОДНОИМЕННОМ ЦИКЛЕ СОНЕТОВ ВЛАДИМИРА ПАЛЬЧИКОВА

О.И. Федотов

Московский институт открытого образования
Авиационный пер., 6, Москва, Россия, 125167

А.О. Шелемова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Россия, 117198

Гениальный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» со времени его открытия до наших дней многоголосым эхом отозвался в отечественной поэзии. К каким только формам ни прибегали его интерпретаторы! Одной из самых неожиданных форм оказались сонеты и различные его ассоциации (циклы, венки сонетов и т.п.). Правда, возникновение «Слова о полку Игореве» (конец XII века) и изобретение сонета (начало XIII века) были практически синхронны.

В статье анализируется цикл сонетов Владимира Пальчикова «Поэт полка Игорева». Рассматриваются образы легендарного Бояна в его соотношении с безымянным автором великой поэмы, князя Игоря, его брата Всеволода, Изяслава Васильковича, Ярославны и великого киевского князя Святослава. Особое внимание соавторы уделяют конфессиональной позиции легендарного автора, в творении которого ортодоксальный христианский пафос, по их мнению, значимо отсутствует, а также перспективам дальнейших поэтических интерпретаций «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: Владимир Пальчиков, цикл сонетов, «Поэт полка Игорева», христианство и язычество

Художественная литература как самый универсальный, синтетический вид искусства, с естественным, однако, перевесом временного фактора в хронотопе, воспроизводит в основном настоящее и прошлое, изредка заглядывая в будущее. Экскурсы в прошлое, что особенно примечательно, в глубокую древность, характерны для исключительно мобильного поэтического творчества: «Я не была здесь лет семьсот, но ничего не изменилось» (Анна Ахматова); «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» (Борис Пастернак); «Из прошлого в настоящее самолетом четыре часа!» (Роберт Рождественский) — подобных перелетов, как на машине времени, можно набрать целую антологию.

Охотнее всего поэты обращаются к славным событиям отечественной истории, не исключая и тех, которые уже были воспеты их предшественниками. Вне кон-

курении в этом отношении оказался поход Новгород-Северского князя Игоря Святославовича против степных кочевников половцев, состоявшийся в мае 1185 года, но не сам по себе, а в гениальном освещении безымянного автора «Слова о полку Игореве». Поэтические и прозаические переводы древнего памятника исчисляются сотнями; к ним можно добавить произведения, написанные «по мотивам» или использующие его отдельные образы, ставшие достоянием нашей общенациональной культуры.

К каким только формам ни прибегали поэты, тщетно пытаясь повторить творческий подвиг автора «Слова», поставившего перед собой задачу воспеть патриотический, но стратегически опрометчивый поход князя Игоря «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояна», и с блеском выдержавшего соревнование с легендарным певцом.

В ряду самых необычных, неожиданных стиховых форм в имитациях древнерусского шедевра можно назвать сонеты (1) и даже сонетные венки [7], хотя никакой экзотики здесь, в сущности нет, поскольку хронологически «Слово о полку Игореве» и первые опыты итальянского сонета практически совпадают.

Вряд ли уместно выстраивать здесь широкий контекст сонетов, так или иначе связанных со «Словом». Обратимся непосредственно к циклу сонетов известного поэта Владимира Пальчикова (Элистинского) «Поэт полка Игорева», опубликованного в его стихотворном сборнике 2011 года со странноватым каламбурным названием «Чело веков — человек» [6]. Наша задача — проанализировать четыре сонета, раскрывающих образ Бояна, оценить их стилистику и стиховой строй в их взаимодействии, привлекая по мере надобности другие сонеты цикла.

Нет особой нужды представлять этого виртуоза-сонетиста как мастера поэтического слова. Вместо этого достаточно привести один из его сонетов-палиндромов (текст которых состоит из стихов, с одинаковым успехом прочитываемых слева направо и справа налево) в качестве своеобразной визитной карточки. Прочитать и адекватно понять этот текст без комментариев довольно сложно, но ведь на то он и палиндром, выполненный к тому же далеко не в лапидарной форме сонета. Сам М.Л. Гаспаров (не только выдающийся стиховед, но и прекрасно владевший всеми версификационными формами поэт) не мог скрыть своего восхищения: «Я читал современные палиндромы, присматривался к ним с лингвистической точки зрения..., но представить себе, что на таком сопротивляющемся материале возможны сонеты я не мог. Восхищенно поздравляю Вас...» [6. С. 2]. А вот и сам сонет-палиндром:

НОВЫЙ НОСТРАДАМУС

Терас (2) и не гном, он Генисарет (3),
(Милосерд) явил. И в ядре Солим (4).
Тек самум. И нимб-минимум. Аскет,
мил, усоп, а дни Инда посулим.

Мирит и пасет с теса Питирим.
Те ранимы: пал в лапы минарет.
Тех и ссорит Ям (5), вмят и росс, и хетт.
Миазмат и тут, тут и там заим.

Аудио в торг. — В грот воиду! — а...
а у шеи — меч. С чем Иешуа (6)
мира псов убеги? К Гебу (7) воспарим.

— Радикал ли? — Да, кадиллак и «Дар» (8). —
Радуница (9) рас. Сарацин удар...
— Мирз (10) у берега да Гада (11) герб узрим.
[б. С. 246]

Упомянутый сборник Владимира Пальчикова представляет собой выборку его «избранных сонетов», написанных с 1960 по 2010 годы. Избранный нами для рассмотрения цикл состоит из десяти сонетов. Вступительный сонет именуется «Вход», далее идет двойчатка «Боян» (1. «О, Боян, старинный соловей!..» и «2. А Боян, так тот и лихолетью...»), за ней следуют индивидуальный сонет «Игорь Святославич», еще одна двойчатка «Всеволод Святославич» (1. «Не от татарских сеч и нищеты...» и 2. «Тур свирепый, Всеволод, стоишь...») и в заключение еще четыре индивидуальных сонета «Изяслав Василькович», «Достойные молвы», «Ярославна» и «Великий Святослав».

В сонете-вступлении лирический герой, не отделяющий себя от поэта как биографической личности, предъявляет свои концептуальные установки. Не мистик и не спирит, он вступает в творческий диалог с духом автора «Слова о полку» и вслед за ним «влечет свою бескрылую строку/Туда, где *он* над землями парит». Понятное дело, речь идет о Бояне — если не первом звене, то уж точно самом авторитетном посреднике в длинной цепи русских поэтов, включая и безымянного создателя «Слова», передающих друг другу как эстафету беззаветную любовь к родине:

Своим искусством учишь ты меня
Воссоздавать былые времена,
Но — по былинам времени сего.

Я у тебя — у старого — учусь
Любить Россию новую, как Русь
Любить лишь ты мог: более всего». [б. С. 46]

Логическим продолжением этого лирического зачина служат два сонета, непосредственно посвященных загадочному образу легендарного барда, не только упоминаемого, но и цитируемого в «Слове» (13). Поэт на этот раз трактует образ Бояна не от себя лично, а как бы перевоплотившись в того, кто начал свое творение словами «Не лъпо ли ны бяшетъ, братие, начати старыми словесы трудных повѣстий о пълку Игореве...» и т.д. Отсюда обилие парафраз из первоисточника: и сравнение Бояна со «старинным соловьем», и «мгла» земли неизвестной, куда Игорь повел своих ратников, и «холмы», за которыми они «скрылися» (Ср: дважды повторенный в «Слове» горестный возглас «О Руская землѣ! Уже за шеломянемь еси!»), и «сникшие в жалости и горе» травы, и колоритное сравнение игры Бояна на гусях с десятью соколами, преследующими стадо лебедей и почти дословная цитата: «То персты на струны налетали.// И, припомнив схватки

ножевые,/ Содрогались струны, как живые,/ Сами князьям славу рокотали» [6. С. 47—48].

К сожалению, в этом глубинном погружении в художественный мир «Слова о полку Игореве» не обошлось без распространенного заблуждения относительно ортодоксально-христианского пафоса, которым будто бы был поглощен его автор. Отсюда загадочные «золотые верхние уборы» (скорее всего, имеются в виду все-таки головные уборы — шелома), льющие «свет, как *Божии соборы*»; отсюда не менее странное утверждение, что «за дальние угорья» русских витязей уводит не князь Игорь, а «По хоругви скачущий *Егорий*». Хоругви в тексте «Слова» упоминаются, но как боевые, а не религиозные стяги, а Георгий Победоносец — не иначе как значимо отсутствует. Наконец, «лихолетью/ Славу пел искусно», разумеется не Боян, а как раз его преемник.

Можно отметить и еще некоторые неточности. Например, ни в «Слове», ни в других источниках ничего не сказано о том, был ли Боян «*тоже*» «знаком» «и с бронзою, и с медью», т.е., видимо, с бронзовым оружием и медными трубами славословия. Автор очевидным образом допускает, что он был сродни поэтам-баталистам, с равным профессионализмом владевшим поэтическим словом и бранным делом. В строке «Лютость пел и *прадедю* и *дедю*» Пальчиков изобретает своеобразные архаизированные неологизмы для того, чтобы получить эффектную рифму: «В даль былого памятью влеком./ И вставал Мстислав перед полком/ И *колол* касожского Редедю». Но глагол «колол» никак не может соперничать с исконно-летописным вариантом «зарезал».

Еще более форсированную христианскую трактовку, никак «Словом о полку Игореве» не мотивированную, получает центральный образ древнего памятника Игорь Святославич:

Только тень, зловеща и густа
Ополченья русские накрыла —
Черный зрак затменного Ярила
Стал и оком Ярого Христа.

«Нет на вас, безумные, креста!» —
Глазом этим небо говорило.
Честь же князю разум затворила,
Отворила твердые уста.

Перед высшим, боговым тем взором
Молвит он, что было бы позором
Так вернуться к матери-земле.

«Луце будем, братие, потяты!..»
И клубясь как факелы, во мгле
Выше стяги красные подъяты. [6. С. 49]

Получается, что языческий ужас, обуявший князя Игоря, наверняка знавшего, как доказал А.Н. Робинсон [7], свое родовое проклятье (за истекшее к тому времени столетие едва ли не все его родичи, тринадцать черниговских князей, уми-

рали во временной близости от двенадцати солнечных затмений), в мгновение ока обернулся христианским прозрением («зрак» и «око» перестали быть синонимами и стали антонимами). Но тут же нейтральный «глаз» парадоксальным образом обрел голос, увещевая безумцев вспомнить о «кресте», значимо отсутствующем у них на шее и, между прочим, в тексте «Слова о полку».

Если «Ярый Христос» безмолвно «говорит» своим «боговым взором», то князь, наоборот, готовит предупреждению свыше достойный ответ. Пальчиков подчеркивает его весомость необыкновенно выразительной аллитерацией: «Честь же князю разум *затворила*,/ *Отворила твердые уста*». Заключительный терцет сонета открывается имитацией древнерусской максимы «Луце будем, братие, потяты!..» и завершается ярким, но несколько декоративным сонетным замком: «И, клубясь, как факелы, во мгле/ Выше стяги красные подъяты» [7. С. 49]. Во мгле мудрено разглядеть красный цвет стягов, если даже они и сравниваются с клубящимися факелами. Одно из двух: или это просто факелы, пламенно пронзающие мглу, или неразличимые в темноте стяги...

Не один, а два сонета посвящены брату Игоря Всеволоду, как бы в подтверждение убеждению некоторых медиевистов, полагавших, что главная стратегическая роль принадлежала все-таки ему. Автор «Слова» как поэт-соратник Игоря полка, конечно же, тоже откровенно любит «буй-туром» и его курянами, «сведомыми кьметями», вскормленными с конца копий. Впрочем, Пальчиков, возможно имея в виду гипотезу, согласно которой создатель древнерусского шедевра был знаком с античной мифологией и даже с самим «Омиром», последовательно расширяет интертекстуальные аллюзии. В стихах «О нет, не славы ради, не тшеты/ От копий ныне Полю всколоситься» неожиданно срабатывают аллюзии древнегреческого мифа о Золотом Руне: царь Эет поручает Язону засеять поле зубами дракона, которые тут же проросли и дали всходы; нива заколосилась копиями, прежде чем показались вооруженные ими железные воины, с которыми пришлось сражаться предводителю аргонавтов. Следуя характерной стилистике «Слова», Пальчиков густо выстраивает шипящие при изображении действий мощного ратоборца в бою: «Тыщи тыщ — орудие из ртища — / На тебя насакаивают, ты ж/ Лишь коня на них поворотишь — / Прочь текут поганые роища». Однако концовка второго сонета странным образом дегероизирует Всеволода:

Но и сам ты — легкая добыча:
Блеск величья ум твой ослепил,
Да и как воистину твой бычий

Норов ты усовестишь и пыл...
Если даже свычай и обычай
Ты желанной Глебовны забыл! [6. С. 51]

Такой поворот применительно к идейному пафосу древнего памятника алогичен: в тшеславии и «бычьем норове» буй-тур замечен не был, не похож он на западно-европейского рыцаря, да и культ Прекрасной Дамы в русском средневековье как-то не привился.

Свойственный автору «Слова» лиризм Пальчикову удалось передать в сонете «Изяслав Василькович» посредством проникновенного цитирования, тонкой

стилизации и превосходной игры слов в рифме, подчеркивающей горькое сожаление по поводу безвременной гибели удалого князя: «Только жаль: бесславно *из брони/ Он жемчужну душу обронил*» [6. С. 52].

В дополнение к трем первым сонетам образ Бояна представлен еще в одном сонете, озаглавленном «Достойные молвы». Речь в нем идет о плененных русских витязях-«львах» (прямо скажем, несколько неожиданное животное в богатой художественной фауне «Слова»), которые имеют обыкновение «благородно», подобно князю Святославу, идти на врага в открытую, «на вы». Далее Боян получает право высказаться прямо от себя, без посредников:

Но о вас, достойнейших молвы,
Пел Боян, искуснейший зело:
«Плохо телу быть без головы,
Голове без тела — тяжело...»

Однако тут же Боянова присказка актуализируется и подхватывается «молвой»: «Вот и ныне... Всякого спроси,/ Всякий скажет: “Матушке Руси/ Плохо жить без Игоря одной”», что вызывает у лирического героя аналогичную рефлексию: «Всяк готов безумного простить:/ Ох и тяжко бедному грустить/ Вдалеке от матери родной!»

Концептуальные тезисы этого сонета тоже небезупречны. С одной стороны, сказать о плененных князьях «достойнейшие молвы» — значит одарить их сомнительным комплиментом, ибо «молва» сама по себе отмечена традиционно негативной коннотацией. С другой стороны, на фоне Боянова афоризма размышление о том, что «Матушке Руси/ Плохо жить без Игоря одной», заставляет допустить образный параллелизм «Матушка Русь = Ярославна» и заодно превосхитить знаменитое уравнение Блока: «О Русь моя! Жена моя...» Но тогда «Золотое слово» изрекал бы не Святослав, а князь Игорь...

В сонете «Ярославна» Пальчиков неукоснительно следует за оригинальным текстом и проявляет завидную осведомленность в области древнерусской гидронимии. Как известно, жена плененного князя «рано кычеть на Дунаве», но обращается за поддержкой к Днепру Славутичу. На какой реке она на самом деле находилась и протекала ли она мимо вежей Кобяка, где томился в неволе ее лада, со всей определенностью сказать сложно. Однако в медиевистике давно уже стало общим местом то, что «дунаем» называли всякую реку вообще, а Днепр Славутич противопоставлялся Дону Великому как своя река чужой. Поэтому она и обращается к своему «другу» Днепру, «доброй реке», с просьбой «прилелеять» к ней издалека «очей ее усладу».

Наконец, опять-таки в полном соответствии с идейным замыслом «Слова о полку Игореве» Пальчиков заключает свой цикл сонетом «Великий Святослав». Речь Киевского князя, укоряющего перечисляемых им поименно князей за междоусобные распри, ослабляющие Русь, звучит как своеобразный финальный аккорд, выражающий идейный пафос произведения. В зачине Святославова обращения таинственный образ Девы-Обиды, типологически, а может быть и генетически восходящий к аналогичной аллегории Гомера (подробный его анализ см. [10. С. 210—216; 9. С. 216—221]), сопрягается с созданным по его модели и

созвучным ему образом Беды. Вкупе они «омрачили Киев златоглавый» и побудили его владетельного князя «изронить» свое «злато слово слезами смешено». Его сонетная версия по необходимости лаконична, но хронологически очерчена в соответствии с одной из научных версий, допускающей смешение речи князя с авторским нарративом. Как полагал Н. К. Гудзий, фрагмент от «Се у Римъ кричать...» до «Туга и тоска сыну Глебову...» по логике вещей должен быть отнесен к авторской речи, так как Святослав в ту пору не мог знать об участии Владимира Глебовича [2. С. 29].

К каким же выводам подводит нас анализ сонетного цикла Владимира Пальчикова?

Незаурядный мастер сонета поставил перед собой творческую задачу исключительной сложности. Ему надо было добиться гармонического равновесия и в версификации, в языковом и образном антураже и, что сложнее всего, решить ряд специфических проблем научно-исследовательского порядка.

Заголовок цикла «Поэт полка Игорева» недвусмысленно намекает на то, какие проблемы прежде всего занимали автора. Конечно же, не научным, а чисто художественным способом он попытался приобщиться к неразгаданной тайне творца уникального произведения. В отличие от Никитина, Пальчиков не склонен отождествлять его с не менее загадочным Бояном. Он видит преемственную связь между ними, допуская, что оба поэта сочетали поэтический дар с воинским призванием, а автор «Слова» к тому же был участником воспетого им Игорева похода.

В их общем ряду, метафорическом «полку Игореве», числит себя и автор одноименного цикла. Вернее, он стремится перевоплотиться в неведомого творца и вместе с ним, последовав примеру Бояна, воспарить «сизым орлом под облакы», чтобы адекватно воспринять давно отшумевшую эпоху, сориентироваться в художественном мире великой поэмы и мысленно проследить все последующие события русской истории вплоть до современности. В целом, это ему удалось.

Избранная Пальчиковым творческая стратегия, однако, не безупречна. Статья конгениальным автору «Слова» едва ли возможно. Поэтому промахи в моделировании художественного мира его творения неизбежны. Если даже переводить его текст на современный русский язык, не говоря уж об иностранных, как считал Иван Бунин, кощунственно, то гораздо разумнее не состязаться с автором «Слова» на его территории, а создавать оригинальные произведения на основе его знаковых образов. Так поступали многие взыскательные мастера: тот же Бунин в стихотворениях «Ковыль», 1895, и «Князь Всеслав», 1916, Александр Блок в стихотворениях «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», 1907, «Новая Америка», 1913) и отчасти в цикле «На поле Куликовом», 1908, Максимилиан Волошин в сонете «Гроза», 1907, или — уже ближе к нашему времени — Виктор Соснора, создавший одноименную стилизацию «Слово о полку Игореве» с подзаголовком (по мотивам), 1959.

Приобретений на этом пути оказывалось больше, чем потерь. Сравнительный анализ произведений Владимира Пальчикова и Виктора Сосноры дал бы более аргументированные суждения об их художественных достоинствах и соответствии первоисточнику, но это было бы уже другое, самостоятельное исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Например, замечательный сонет Максимилиана Волошина «Гроза», 1907. См.: [1. С. 122].
- (2) Терас (лат.) — устрашение; здесь: чудовище; ср. террор.
- (3) Генисарет — озеро в Палестине.
- (4) Солим — Иерусалим.
- (5) Ям (Яма) (др.-инд. миф.) — бог подземного царства (смерти).
- (6) Иешуа — Иисус Христос
- (7) Геб — Геб (др.-ег. миф.) — бог земли.
- (8) «Дар» — роман В.Набокова.
- (9) Радуница — родительская суббота, правосл. праздник поминовения.
- (10) Мирза (тат.-монг.) — крупный феодал, глава рода или орды.
- (11) Змий, которого на иконах поражает Георгий Победоносец.
- (12) Медиевисты выделяют в «Слове о полку Игореве» несколько цитат из Бояна: «Ни хытру, ни горазду...», «Тяжко ти головы...», «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...», «Тогда при Олзѣ Гориславичи...», «Уже бо, братие, невеселая година въстала...», «На Немизѣ снопы стелють головами...», «Не буря соколы занесе чресь поля широкая...» [3. С. 149]. По мнению же писателя Л.А. Никитина, практически вся поэма или же большая ее часть представляет собой переработку не дошедшего до нас сочинения Бояна [4; 5].
- (13) Медиевисты выделяют в «Слове о полку Игореве» несколько цитат из Бояна: «Ни хытру, ни горазду...», «Тяжко ти головы...», «Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше...», «Тогда при Олзѣ Гориславичи...», «Уже бо, братие, невеселая година въстала...», «На Немизѣ снопы стелють головами...», «Не буря соколы занесе чресь поля широкая...» [3. С. 149]. По мнению же писателя Л.А. Никитина, практически вся поэма или же большая ее часть представляет собой переработку не дошедшего до нас сочинения Бояна [4; 5].

© Федотов О.И., Шелемова А.О., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Волошин Максимилиан*. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. 702 с.
- [2] *Гудзий Н.К.* О составе «золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве» // Вестник МГУ. 1947. С. 19–32.
- [3] *Дмитриев Л.А.* Боян // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 147–153.
- [4] *Никитин А.Л.* Испытание «Словом» // Новый мир. 1984. № 5. С. 182–206.
- [5] *Никитин А.Л.* Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве»: Сон Святослава // Слово. Сб., 1978. С. 112–133.
- [6] *Пальчиков Владимир*. Чело веков — человек. Избранные сонеты 1960–2010. М., 2011. 303 с.
- [7] *Робинсон А.Н.* Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI–XVII вв. М., 1978. С. 7–587.
- [8] *Сумаруков Г.* Читая «Слово о полку Игореве». М., 2000.
- [9] *Федотов О.* Сонет. М., 2011. 610 с.
- [10] *Федотов О.И., Шелемова А.О.* «Слово о полку Игореве» и сонет Максимилиана Волошина «Гроза»: диалог в интертексте // Шостыя республіканскія Колеснікаускія чытанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., прысвеч. 85-годдзю з дня нарадж. У.А. Калесніка. Брэст, 26 кастр. 2007 г. Брэст, 2008. С. 210–216.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 октября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Федотов О. И., Шелемова А. О. (2017). Боян и «Поэт полка Игорева» в одноименном цикле сонетов Владимира Пальчикова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 66—75.

Сведения об авторах:

Федотов Олег Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования, член Союза писателей СССР, председатель Международного научно-творческого семинара «Школа Сонета». *Контактная информация*: e-mail: o_fedotov@list.ru

Шелемова Антонина Олеговна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы РУДН, профессор. *Контактная информация*: e-mail: a.shelemova@rambler.ru

BOYAN AND «THE POET OF THE REGIMENT OF IGOR» IN THE SAME CYCLE OF SONNETS BY VLADIMIR PALCHIKOV

O.I. Fedotov

Moscow institute of open education
Aviatsionny Lane, 6, Moscow, Russia, 125167

A.O. Shelemova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Russia, 117198

In article the cycle of sonnets of Vladimir Palchikov “The poet of the Igor’s regiment” is analyzed. Images legendary Boyana in his correlation with the anonymous author of the great poem, the prince Igor, his brother Vsevolod, Iziaslav Vasilkovich, Yaroslavna and the grand Kiev duke Svyatoslav are considered.

The genius author of the poem “The word about of the Igor’s regiment” from the time of its discovery had a multiple resound in Russian poetry. Its interpreters invented so many various forms. One of the most unexpected were sonnets and its variations (cycles of sonnets, and others). Though it’s a truth that “The word about Igor’s regiment” and sonnets appeared almost simultaneously at the end of XIIth century.

The article sonnet cycle of V. Palchikov is being analyzed. The images of legendary Boyan are being revised, as well as Knight Igor, his brother Vsevolod, Izyslavl’ Vasilkovich and Yaroslavna, Kiev Great Knight Svyatoslav. Especial attention is payed to the confessional position of the legendary author.

Key words: Vladimir Palchikov, cycle of sonnets, “Poet of the Igor’s regiment”

REFERENCES

- [1] Voloshin Maximilian. *Stichotvoreniya i poemy*. Sankt-Peterburg, 1995 [Voloshin Maksimilian. *Poems.*] SPb., 1995. 702 p.
- [2] Dmitriyev L.A. Bojan [Dmitriev L.A. Bojan]. Encyklopedija “Slova j polku Igoreva”: v 5 t. T. 1. SPb., 1995. S. 147–153 [*Encyclopedia of “Tale of Igor’s Campaign”*: In 5 t. T. 1. SPb., 1995. Page 147–153].
- [3] Gudzij N.K. O sostave «zolotogo slova» Sv’atoslava v «Slove o polku Igoreve» [Gudzij N.K. About structure of “the gold word” of Svyatoslav in “Tale of Igor’s Campaign”]. *Vestnik MGU*. M., 1947. S. 19–32. [The Bulletin of MSU. M., 1947. P. 19–32].
- [4] Nikitin A.L. Ispytaniye “Slovom” [Test by “Word”]. *Novyj mir*. 1984. № 5. S. 182–206 [“New world. 1984. No. 5. Page 182–206].
- [5] Nikitin A.L. Naslediye Bojana v “Slove j polku Igoreve”: son Svjatoslava [Nikitin A.L. Heritage of Bojan in “Tale of Igor’s Campaign”: Svyatoslav’s dream.] *Slovo: Sbornik*, 1978. S. 112–133 [*Word. Sat.*, 1978. Page 112–133].
- [6] Palchikov Vladimir. Chelo vekov chelovekov. Izbrannyje sonety 1960–2010. M., 2011. 303 s. [Palchikov Vladimir. A forehead of centuries — chelovek. Chosen sonnets of 1960–2010. M., 2011]. 303 p.
- [7] Robinson A.N. Solnechnaja simbolika v “Slove o polku Igoreve” [Robinson A.N. Solar symbolics in “Tale of Igor’s Campaign”]. *Slovo o polku Igoreve”: Pam’atniki literatury i iskusstva XI–XVII vekov*. M., 1978 [“Tale of Igor’s Campaign”: Monuments of literature and art of the XI–XVII centuries. M., 1978]. P. 7–587.
- [8] Sumarukov Georgij. Chitaja «Slovo o polku Igoreve». M., 2000. 12 c. [Sumarukov Georgij. Reading “Tale of Igor’s Campaign”. M., 2000. 12 p.]
- [9] Fedotov Oleg. Sonet. M., 2011. 610 s. [Fedotov Oleg. Sonnet. M., 2011. 610 p.]
- [10] Fedotov O. I., Shelemova A.O. “Slovo o polku Igoreve” i sonet Maksimiliana Voloshina “Groza”: dialog v intertekste. [Fedotov O.I., Shelemova A.O. “Tale of Igor’s Campaign” and Maksimilian Voloshin’s sonnet “Thunder-storm”: dialogue in an intertekst]. *Shestyje respublikanskiya Kolesnikauskiya chytanni: materiyaly resp. navuk. kanf., prysvech. 85-godzyu z dnja naradzha. U.A. Kalesnika. Brest, 26 kastr. 2007 Brest 2008*. Page 210–216. 702 p.

Article history:

Received: 10 October 2016.

Revised: 21 October 2016.

Accepted: 20 November 2016.

For citation:

Fedotov O.I. Shelemova A.O. (2017). Boyan and the “The poet of the regiment of Igor” by Vladimir Palchikov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 66–75.

Bio Note:

Fedotov Oleg Ivanovich, Doctor of Philology, Professor of Moscow Open Education Institute.

Contacts: e-mail: o_fedotov@list.ru

Shelemova Antonina Olegovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR.

Contacts: e-mail: a.shelemova@rambler.ru